

*Посвящается Карин Филдас
Береись голодных лошадей*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ШЕЙДИСАЙД — 1950

1

Что мне больше всего запомнилось тем вечером — это расцвеченный золотом и багрянцем небосвод, как будто даже небо сияло в честь нашего семейного торжества. Солнечный свет искрился на укывшем тротуары двухдневном снегу, словно кто-то усыпал улицы крошечными бриллиантами.

Мне кажется, я запомнила этот день до мелочей.

Помню, как неслась домой из прачечной «Пчелка-чистюля», где подрабатывала в выходные, по слякотным тротуарам. Помню крахмальный запах химчистки, приставший к одежде и коже. Помню, как от быстрого бега кровь стучала в висках, и было такое чувство, что стоит раскинуть руки — и я оторвусь от земли, понесусь над переполненными улицами Олд-Виллидж и воспарю прямо в полыхающее красками небо.

Я на удивление чувствительна к цвету и свету. Особенно влияет на меня серебристое сияние

Р. Л. СТАЙН

луны. А солнечные лучи наполняют меня энергией. Иногда я чувствую, как по всему моему телу пробегают электрические разряды.

Сегодня был самый счастливый день семьи Пальмьери.

Помню, я думала о своих бабушке и дедушке, Марии и Марио — такой идеальной супружеской паре, что даже имена у них почти не отличались. Они перебрались в Штаты из Италии в начале двадцатых и всю жизнь вкалывали как проклятые, чтобы прижиться на новом месте и обеспечить семье процветание.

Жаль, что они не дожили до звездного часа моего отца, Анжело Пальмьери. Прodelать путь от помощника конюха до конезаводчика — есть ли больший повод для гордости?

Родители уже которую неделю были на седьмом небе от счастья. Не раз я замечала, как они хихикают и заговорщицки кивают друг дружке, а их обычно грустные лица сияют улыбками.

— Над чем хихикаем? — спрашивала я.

— Просто мы счастливы, Бет, — отвечал папа. — Сделка по конюшне почти завершена. Отчего нам не радоваться?

Как здорово было видеть их такими веселыми и оживленными — не описать словами. Жизнь вообще-то нас не баловала. Семейство Дули, владевшее «Ранчо братьев Дули», огромной конюшней в Норт-Хиллс, никогда не отличалось великодушием к моему отцу.

ПРОПАВШАЯ ДЕВУШКА

Мальчишкой папа служил у их конюха на побегушках. Отмотал два года в колледже — и обратно к Дули. В конце концов он дослужился до помощника управляющего. Дули тем не менее обходились с ним, будто короли с прислугой, не давая забыть, что начинал он с уборки навоза. Мартин Дули, конезаводчик, постоянно напоминал моему отцу о своей к нему щедрости и о том, что тот ничего бы не достиг без милостей Дули.

Тем чудеснее сегодняшний день, день открытия «Конюшни Пальмеры». Победа. Не просто успех — мы утерли нос Дули.

— Выходит, пап, мы разбогатеем? — спросила я на прошлой неделе за ужином. Воображение уже рисовало мне парочку новеньких свитеров в моем шкафу. Еще не помешает один из тех классных проигрывателей, которые можно носить с собой. А там, глядишь, я и работу в прачечной смогу бросить.

Мама передала миску с салатом.

— Бет, тебе уже шестнадцать, — напомнила она. — Ты бы думала хорошенько, прежде чем спрашивать.

Я закатила глаза и выпятила челюсть:

— А разве я обязана?

На той неделе мы с мамой слегка поцапались. Она не пустила меня на школьные танцульки в стиле сок-хоп¹ и концерт Патти Пејдж² — я, видите ли, схватила тройк на экзамене по геометрии.

---

¹ Танец, популярный в США 50-х годов. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

² Американская певица, звезда эстрады 50-х годов.

Р. Л. СТАЙН

Все знают: мы, девочки, с математикой не дружим. И чего маме стукнуло в голову, будто я какая-то особенная?

— Я хочу выйти замуж и быть домохозяйкой, как ты, мам, — заявила я тогда. — Мне что, так нужна для этого геометрия?

В ответ мама насупилась. Взгляд ее темных глаз сделался тяжелым — того и гляди даст по мозгам лазерным лучом на манер Флэша Гордона¹.

— Домохозяйкой, Бет, ты и без геометрии станешь, — сказала она мягко, — но умной все равно быть обязана.

Ой.

В тот момент меня так и подмывало заставить тарелку взмыть из маминых рук и разбиться о потолок у нее над головой.

Но родители не знают о моих способностях. Я их называю «моими приемчиками», это моя маленькая тайна. Тайной пусть и остаются, а то мама с папой и так считают меня проблемным ребенком.

Папа выскочил из-за стола и включил радио. Он не выносил, когда мы с мамой закатывали сцены.

— Сегодня Трумэн выступает, — сообщил он. — А вы знаете, что начинал он простым фермером?

— Ой, пап, все, — сказала я с ехидством. — Ты никогда нам этого не говорил. Разве что тыщу раз.

---

¹ Флэш Гордон — персонаж научно-фантастических комиксов, герой, спасающий Землю от козней межгалактического императора Минга Безжалостного.

ПРОПАВШАЯ ДЕВУШКА

Как простой фермер выбился в президенты Соединенных Штатов.

Мама встала, сложив свою салфетку, и принялась убирать со стола.

— Послушай себя, Анжело. Ты решил стать первым помощником конюха, который выбьется в президенты?

Когда папа смеется, его черные усы так и ходят ходуном.

— Только если позволят взять с собой лошадей. — Его улыбка отразилась в мерцающем циферблате радиоприемника «Филко» — самом ценном, что у него было.

Все это было неделю назад. Сейчас-то мы с мамой снова дружим.

Когда мы рука об руку прогуливаемся по улице, прохожие принимают нас за сестер. Обе изящные, ростом примерно пять футов шесть дюймов, у обеих большие серьезные глаза и черные локоны. Мне льстит, когда нас сравнивают, потому как я считаю маму красивее. Рот у меня, на мой взгляд, кривоват, и губы слишком пухлые, а подбородок, наоборот, слишком маленький.

В общем, мама перестала действовать мне на нервы, и мы снова зажили душа в душу.

Сегодня у семьи Пальмери был великий день. День открытия. Тропинки и дорожки расчистили от снега, конюшни выкрасили свежей краской, денники выстлали сеном, а мешки с овсом лежали горой, дожидаясь четвероногих постояльцев. Папа сказал,

Р. Л. СТАЙН

что из газеты могут прислать репортера, поскольку наша конюшня первая, открывшаяся в Шейдисайде за почти сорок лет с основания конюшен Дули.

Шарфик порхал у меня за спиной, когда я рысью неслась сквозь толпы прохожих, точно чистокровная скаковая. Несмотря на зимний холод, пальто у меня было нараспашку. Дыхание вырывалось изо рта облачками пара, сердце выпрыгивало из груди — мне не терпелось скорее попасть домой.

Я знала, что родители уже заждались. Отец одолжил у мистера Шоу, жившего в конце квартала, фургон, чтобы отвезти нас всех к конюшне.

Долговязый черный пес, сидевший на привязи у фонарного столба, обляял меня, когда я пробегала мимо. Я чуть не споткнулась о двух малышей, волочивших за собой громоздкие санки.

Свернув за угол, на Роуд-Виллидж, я взвизгнула: чьи-то руки сгребли меня за талию. Мои туфли заскользили по грязному асфальту. Руки крепко удерживали меня, не давая упасть.

— Эй! — Обернувшись, я ахнула. — Аарон! Пусти, дурак.

С колотящимся сердцем, моргая от солнца, я уставилась в ухмыляющуюся физиономию Аарона Дули. На его взъерошенные темные патлы была нахлобучена красно-синяя шерстяная шапка. Несмотря на холод, лицо его сияло зефирной бледностью, будто у вурдалака, отродясь не видевшего свет дня, голубые глаза сверкали, словно мраморные шарики, вмерзшие в лед.

ПРОПАВШАЯ ДЕВУШКА

Я не люблю Аарона Дули. Чего там, я его на дух не переношу.

Однако это не мешает ему меня преследовать. Я ему сто раз говорила, что так девушку не завоюешь. Но он такой нахал, что думает, будто я просто строю из себя недотрогу.

Большинство уроков у нас с ним общие. Он пялится на меня через весь класс, изображая губами поцелуичики, лыбится тонкой улыбочкой, каковая, по-видимому, должна растопить мое неприступное сердце. Только меня от одного ее вида тошнит.

Я попыталась вывернуться, но он запустил руки в перчатках под мое расстегнутое пальто и крепко удерживал меня за талию.

— Аарон, отвали! — рявкнула я. — Ну-ка лапы убрал. Я тороплюсь.

Его голубые глаза-льдинки засверкали от возбуждения. Усилив хватку, он оттащил меня к стене многоквартирного дома.

— Мне надоело играть с тобой в игры, — прорычал он. Он всегда так разговаривает, небось косит под Джона Уэйна¹.

— Это не игры, Аарон, — отрезала я. — Я тебе уже говорила: я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

Я снова принялась извиваться, но вывернуться не смогла.

— Отстань. Я правда спешу.

---

¹ Джон «Герцог» Уэйн — американский актер, прославленный ролями крутых ковбоев в многочисленных вестернах.

Р. Л. СТАЙН

Он притянул меня к себе и прижался холодной щекой к моей щеке.

— Ты должна дать мне шанс, Бет.

— Ничего я тебе не должна,— сказала я. От прикосновения к его коже меня замутило.— Отвали от меня. Пошел вон. Я не шучу. Меня не привлекают всякие...

Он угрожающе зарычал. Его бледное лицо побагровело, губы растянулись в кровожадном зверином оскале.

— Нет уж, никуда я не пойду! — выкрикнул он сквозь стиснутые зубы и вдруг толкнул меня. Я споткнулась. Схватив за запястья, он грубо притянул меня к себе.

— Аарон...— У меня перехватило дыхание.— Нет!

Он потащил меня в тенистый крошечный скверик между двумя домами. Ну, как скверик — занесенный снегом пятачок с парой деревьев, росших у самой улицы.

Подтаявший снег сковала корочка льда, по которому скользили мои туфли, пока Аарон тащил меня за толстый ствол ближайшего дерева. Дышал он тяжело, со свистом, изо рта валил пар, застывая его горящие голубые глаза. Лицо его стало диким, как у буйнопомешанного.

— Ты должна дать мне шанс. Ты обязана,— бормотал он, обдавая мое ухо жарким дыханием. А потом прижался лицом к моему лицу. Его рот елозил вслепую, пока не отыскал мои губы. Он впился в

ПРОПАВШАЯ ДЕВУШКА

них поцелуем, да так, что я ощутила сквозь его губы твердость его зубов.

Я пыталась отдернуть голову, но он облапил меня по-медвежьи и прижимался ртом к моим губам, заставляя меня целовать его. Вдруг он с силой отшвырнул меня. Потеряв равновесие, я поскользнулась на каблуках и упала навзничь на скованную льдом землю.

Не успела я пошевелиться, как Аарон уже взгромоздился сверху. Он крепко держал меня за руки, обхватив ладьями мои бока. Наконец он опустил голову и принялся осыпать мои щеки жадными поцелуями.

— Нет! Пожалуйста! — завопила я.— Аарон, слезь! Слезь с меня!!!

2

Он не останавливался. Оседлав меня, он прижимал мои руки к земле. Его губы, горячие, жесткие, мусолили мне лицо. Я знала, что у меня не хватит физических сил его сбросить.

А еще я знала — надо что-то делать. Выбора не осталось. Придется пустить в ход мои «приемчики».

Я зажмурилась, хорошенько сосредоточилась и стала мысленно проговаривать слова. Через пару мгновений его яростные, отчаянные поцелуи прекратились. Я открыла глаза. Аарон выпрямился, распахнув глаза от изумления. И ужаса.

Отпустив мои запястья, он потянулся к своему горлу. Из его рта вырвалось болезненное бульканье. А еще через мгновение он издал животный хрип, осознав, что не может дышать. Его глаза вылезли из орбит. Лицо побагровело.

— Ай-ай-ай, Аарон,— сказала я.— Никак язык проглотил? Эк тебя угораздило!

Аарон сполз с меня. Он поднялся на колени, отчаянно шлепая себя ладонями по горлу. Снова издал

ПРОПАВШАЯ ДЕВУШКА

этот отвратительный хрип, будто пытался втянуть хоть немного воздуха. Его глаза вытаращились на меня с немой мольбой. Они просили меня сделать что-нибудь, как-то помочь ему.

Но я слишком наслаждалась моментом, чтобы прерывать его мучения.

— Так тебе и надо, и ты это знаешь.— Я поднялась на ноги и встала над ним, наблюдая, как его лицо становится фиолетовым, как он давится и хрипит. Его руки бестолково болтались из стороны в сторону. Он застонал, сдавленно квакнул. Я увидела его толстый розовый язык, свернувшийся узлом в распахнутом рту.

— Бе-е-еденький,— протянула я с притворным сочувствием.— Ужасно, наверное. Что, в зобу дышанье сперло?

Он замотал головой. Все его тело билось в конвульсиях. Сдернув перчатку, он запустил пальцы в разинутый рот, отчаянно пытаясь вытащить язык на место. Но тот забился глубоко в глотку, наглухо перекрыв трахею.

Аарон терял силы. Его хрипы звучали все слабее. Лицо стало синее ясного неба. Он с мольбой протягивал ко мне руки.

— Ладно, ладно,— сжалась я.— Вытащить твой язык обратно?

Он кивнул. Голова его поникла. Он задышался.

— Руку подними,— велела я.— Подними правую руку и дай клятву, что никогда больше не прикоснешься ко мне.